

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ УНИАТСТВА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ 70-Х ГГ. XIX В.

THE TRANSITION STATE OF THE HISTORIOGRAPHY OF UNIATE CHURCH IN THE POST-REFORM RUSSIA OF THE 70S OF THE XIX CENTURY

V. Vivchar

Summary. Literature concerning the pre-revolutionary historiography of the Union processes in the Ruthenian lands of the XV–XVII centuries is very significant, heterogeneous. However, as an independent subject of historiographical analysis, it has never been subjected to special development. In this regard, its analysis was embodied either in small linear chronological reviews of the largest works of MV Dmitriev, AB Eliseev, etc., or in the works of G. E. Shcheglov, MV Dmitriev and other researchers on the General scientific contribution of the scientists who wrote them. In this article we will try to look at the history of the study of the issue from an evolutionary point of view, fixing the fundamental features of one of the stages of development of the study of the problem.

Keywords: historiography, the historiographical analysis of post-reform Russia, historiography of Uniate Church, Union issues.

Вивчар Василий Михайлович
К.и.н., старший преподаватель,
Омская духовная семинария
vvivchar@yandex.ru

Аннотация. Литература, касающаяся дореволюционной историографии унияонных процессов в русинских землях XV–XVII вв. является весьма значительной, неоднородной. Однако как самостоятельный предмет историографического анализа она ни разу не была подвергнута специальной разработке. В этом плане ее анализ воплотился либо в небольших линейных хронологических обзорах крупнейших трудов М. В. Дмитриева [6], А. Б. Елисеева [8] и пр., либо в работах Г. Э. Щеглова [27], М. В. Дмитриева [7] и других исследователей, посвященных общему научному вкладу написавших их ученых. В данной статье мы попытаемся взглянуть на историю изучения вопроса с эволюционной точки зрения, фиксируя принципиальные особенности одного из этапов развития изучения проблемы.

Ключевые слова: историография, историографический анализ, пореформенная Россия, историография униатства, унияонная проблематика.

Отечественная историография Брестской церковной унии второй половины XIX–начала XX в. представляла собой единый идейный комплекс и, если не принимать во внимание количественных данных о введении в оборот новых документов и числе исследовательских публикаций, о каких-то концептуальных сдвигах можно говорить лишь с известной долей условности. Тем не менее, если несколько утрировать отдельные зачаточные элементы, в смене или столкновении которых выражалось развитие исторической мысли по проблеме, то можно говорить о том, что она пережила несколько этапов. Так, после польских восстаний 1830-х и 1860-х гг. происходило ее становление, в политизированной «западно-руссистской» вариации (50–60-е гг.) [11]. Причем в церковной исторической науке в это время полностью господствовал богословский взгляд на исторические события. Иной вариант представления проблемы в исторических трудах мы видим с 80–90-х гг., в эти годы, как и ранее, общей установкой историков был православный взгляд на историю унии, но с распространением позитивистской методологии, стремления уйти от любых абстрактных теорий, стала преодолеваться политизированное восприятие польских унияонных инициатив, это проявилось и в исследованиях церковных историков, которые уже оперируют не столько сентенциями

о Божьем Промысле, сколько историко-логическими аргументами и обширными документальными данными [3]. Следовательно, в 70-е гг. XIX в. проблемная историография должна была находиться в некоем переходном состоянии в направлении от «западно-руссистской» антипольской и богословско-схоластической вариаций к так называемой «чистой науке», сконцентрированной на анализе факта как такового.

Чтобы продемонстрировать не вполне очевидную переходность изучения Брестской унии в пореформенные 1870-е тезисно рассмотрим разные уровни разработки проблемы: изменения в методике создания общих церковных курсов, идейный фон работ по церковной истории «Западной России», а также новые тенденции в специальных исследованиях по истории рутенского униатства XV–XVII вв.

Поскольку историографию проблемы разрабатывали в основном выпускники духовных академий, общие церковные истории играли при анализе данной тематики важную методологическую роль. В период 1870–1881 гг. такие «истории» писали духовно-академические ученые П. В. Знаменский, митрополит Макарий (Булгаков) и Е. Е. Голубинский [4; 5]. По обоснованному мнению но-

вейшего историографа Н. И. Солнцева, первый и последний авторы особенно выделялись своей теоретической частью: Знаменский начал дистанцироваться от богословия и использовать систему научно-исторических понятий, а Голубинский выработал уже органический, практически позитивистский способ представления истории церкви как части истории государства и общества [19, с. 391–393]. Заметим, что одновременно с новаторским «Руководством» П. В. Знаменского вышли в печать заведомо устаревшие, компилятивные «Рассказы из Истории русской церкви» непрофессионального светского историка М. В. Толстого, прагматические по характеру и одухотворенные по стилю [22].

Что касается фундаментальной «Истории» митрополита Макария, развивавшейся в методе от тома к тому, вобравшей схоластические и новейшие научно-органические тенденции; то для историографии проблемы весьма важной стала ее документальная часть, осветившая не только те факты, которые подтверждали разделяемую автором православную концепцию Брестской унии, но и те которые ей противоречили (например, о разграблении имуществ православной церкви не только польскими феодалами, но и представителями «литовско-русской» знати; о довольно широком распространении униатства в различных социальных слоях русинских земель Речи Посполитой в первой трети XVII в.).

Митрополит Макарий (Булгаков), кстати, отразил противоречивость своего времени не только историческим трудом, но и своей личностью. Будучи более или менее традиционным церковным историком и ортодоксальным богословом он активно поддерживал либерализацию духовного образования, новую методику П. В. Знаменского и скептические построения Е. Е. Голубинского [20, с. 51].

Если говорить о предпосылках для подобных методологических сдвигов в церковных «историях», то надо сказать о быстром росте исторического знания в середине XIX в., приобретению самостоятельности вспомогательными дисциплинами [9, с. 3–15], выходе на первый план монографического типа исследований, формировании специфических светских научных школ [25], плюрализме научных концепций, питаемом приходом в науку новыми учеными из разночинцев [24, с. 481–502]. Одновременно происходило организационное становление церковной периодики, которая также получила значительную автономию и чаще стала публиковать церковно-исторические труды [16, с. 35–36].

Реформирование многих социальных сфер и либерализация общественных отношений проявились, в частности, в утверждении автономистского Университетского устава 1863 г. и сделанного по его аналогии Устава духовных академий 1869 г., которые стимулиро-

вали критические искания в науке. Согласно последнему в академиях, например, расширились права светской профессуры и белого духовенства, была учреждена специализация по церковно-историческому отделению, стали практиковаться публичные защиты диссертаций и др. [21, с. 181–231]. Подготовленное в таких условиях новое поколение духовно-академических историков гибче относилось к богословским шаблонам и стремились учесть происходящие социальные и научные перемены. Наряду с введением нового Устава, этому способствовали церковные реформы 1860-х гг., разрушившие сословную замкнутость духовенства, разрешившие семинаристам поступать в университеты, а гимназистам в духовные академии [18, с. 439–517].

Характерные для данной эпохи столкновения старого с новым можно увидеть и при обращении к группе монографий, затрагивавших «Западно-русскую» унионную проблематику. В русле работ данного рода в 1870-х гг. начинают выделяться ортодоксально-традиционная и относительно скептическая линии развития. Первая, обеспечившая инерцию антипольских идей М. О. Кояловича и активной деполонизаторской политики 1860-х гг., составлялась трудами, вышедшими из официальных петербургских и киевских кругов: консервативного профессора Киевской духовной академии (далее — КДА), белорусского происхождения И. И. Малышевского; ученика теоретика «западно-руссизма» и профессора Петербургской духовной академии Кояловича, протоиерея, также белоруса А. П. Демьяновича; автора монархического катковского журнала И. Сливов, а также непрофессионального историка, знаменитого обер-прокурора Д. А. Толстого. Их общей чертой было рассмотрение унии в контексте преувеличенного прозелитизма Ватикана — и особенно — иезуитов, «ополячивавших» «знатнейшие литворусские роды» и погубивших Польское государство [22, с. 210–216].

Вторая линия работ была образована малороссийскими авторами: выпускником КДА С. А. Терновским, на тот момент независимыми от вузовских центров историком Н. И. Костомаровым и ученым литератором П. А. Кулишом. Критицизму последних двух исследователей содействовало их непосредственное участие в украинофильском общественном движении, которое при определенном попустительстве властей в конце 60-х-первой половине 70-х гг. переживало подъем. Интересно, что в данное время к этой же линии можно причислить и консервативного впоследствии исследователя, а тогда молодого выпускника КДА С. Т. Голубева, который хотя и не принадлежал к украинофильским организациям, но как молодой ученый не был чужд веяниям времени.

Скепсис этих исследователей был достаточно осторожным (более отчетливо выражен он у П. А. Кулиша)

заклучался лишь в стремлении распространить принятые научные обобщения на явления одного порядка или наоборот внести уточнения в некоторые расхожие мнения (например, они стали прямо говорить: о подверженности польской цивилизации всей русинской знати, не исключая считавшегося «святопамятным» князя Острожского [10, с. 26], о пропольских симпатиях малороссийской иерархии в силу шляхетского происхождения [3], о несоответствии фактов беспринципных жестокостей и грабежей казаков утверждениям о них как защитниках святой православной веры [13, с. 111]). Причем из этнографических построений (относительно будущего малороссов в польском государстве) начинает выделяться ментальный фактор, включающий понимание разными социальными группами сути католицизма, православия и унии [10, с. 24]. Характерно, что, например, П. А. Кулиш как автор 1870-х гг. при этом высказывал соображения об образцовости научного метода естествознания, необходимости расширения критики в исторических трудах, упоминал в тексте науку социологию и поддерживал идеи О. Конта [13, с. 371].

Обозначенных консервативной и скептической линий в специальных исследованиях по проблеме унии того времени отчетливо выделить нельзя, однако внутри работ светского киевского историка, украинофила В. Б. Антоновича, церковных историков киевской академии Н. И. Петрова и петербургской — Ю. Ф. Крачковского также наблюдалось характерное сочетание традиционной (основной) и новаторской (дополнительной) компонент. Так, придерживаясь общепринятого православного понимания унии как «переходного» польско-римского проекта, эти историки не допускали, характерных прежде для М. О. Кояловича публицистических антипольских заявлений. Развитие исследовательской мысли проявилось также в стремлении этих авторов расширить документальную базу, усовершенствовать критику источника и аналитику событий. Например, Петров и Крачковский, воздавая должное М. О. Кояловичу как первому исследователю униатства, не соглашались с его методом использования поздних источников для изучения ранних периодов [17, с. 428–430]. Кроме того, и Крачковский, и Антонович, как и более скептически настроенные малороссийские ученые, стали касаться ментального и восприимчивого элемента истории униатского феномена.

Переходя к обозрению некоторых частных выводов этих авторов, отметим, что В. Б. Антонович, на польском законодательном материале в начале 70-х гг. проанализировал правовое положение русинского православия в период униатизации оставшихся в Речи Посполитой православных епархий (вторая половина XVII–XVIII вв.). Историк сделал важное заключение, что религиозная борьба против поддерживаемой польским законом уни-

атской иерархии в глазах «южно-русского народа» была легальной, поскольку епископы, тайно согласившись на унию, нарушили православное «начало соборности» [1, с. 282]. Тезис о столкновении католического принципа единоначалия иерархии и соборных усилий православных мирян станет впоследствии важной частью концептуальной модели Брестской унии ученика Антоновича, О. И. Левицкого, который впервые попытается сформулировать альтернативное понимание проблемы [14, с. 74].

В. Б. Антонович подметил также другой психо-эмоциональный момент: «южно-русское» шляхетство окончательно предало «завет предков» и перешло в католичество, когда казаки задели их родовую гордость, предъявив свои претензии на дворянские права [1, с. 284].

Систематизируя причины скорой «латинизации» униатской церкви Антонович указывал молодость, несамостоятельность и эклектичность ее учения [1, с. 336]. Тогда как русинское православие поддерживалось религиозной стойкостью крестьянства, заступничеством России, и «внутренним разложением шляхетского общества», вызвавшим падение Польского государства и исчезновение унии как «ненужного» «политического орудия» [1, с. 331].

Примечательно, что в эпоху перемен церковный историк литературы Петров занялся анализом развития внутренней жизни и организации базилианского монашества — ключевого органа униатской церкви, — первую небольшую статью о котором написал знаменитый «западно-руссист» Коялович [11].

Привлекая новые архивные документы, историк подошел к теме шире предшественника, прослеживая не только географическое расширение ордена и окатоличивание его обряда, но также анализируя его организационную структуру и столкновения ордена с митрополитами, которые «не раз поднимали на него свою властную руку» [17, с. 343–380].

Выпускник Петербургской академии, ученик М. О. Кояловича и также белорус и «западно-руссист» Ю. Ф. Крачковский, следуя за схемой своего учителя и предшественника, сужает его предмет, сосредоточившись на исследовании истории рутенской униатской церкви. Оригинальность его подхода воплотилась, например, в реконструкции идей, упорядочивании представлений епископов-заговорщиков о форме замышляемой ими униатской церкви [12, с. 7–22], их субъективных оценок православных церковных братств или взбунтовавшихся «хлопов» [12, с. 51].

Отталкиваясь от современных наблюдений Н. И. Костомарова цивилизационном влиянии польского уклада на русинский господствующий класс, он еще

до П. А. Кулиша отмечал, что ослабленное «окаатоличиванием» шляхты русинское общество было вынуждено призвать на защиту веры таких людей, «каковы были Козаки» [12, с. 40].

Ю. Ф. Крачковский, создававший свое исследование в пореформенной России, особо останавливался на реформировании униатской церкви, предпринятом митрополитом И. В. Рутским в первой трети XVII в. Показывая, что к началу преобразований его вынудил кадровый кризис в среде униатского духовенства, историк сделал заключение, что после создания базилианского ордена, получившего монопольное положение, все другие реформы по усилению и улучшению кадров белого духовенства оказались невозможны [12, с. 80–118], и, напротив, заставили орденное начальство заняться обеспечением своей независимости от униатской иерархии [12, с. 127–141].

Вместе с тем, по его мнению, именно благодаря ордену, с которым со второй половины XVII столетия отождествлялась униатская церковь, последней удалось выдержать трудный период царствования Владислава IV и казацких войн [12, с. 142]. Хотя историк подчеркивал,

что в своей сущности орден всегда был католическим и сохранял православные обряды только пока занимался подчинением всех униатских монастырей [12, с. 78], а затем приступил к «исправлению поврежденной церковной обрядности» в направлении католицизма [12, с. 150].

Подытоживая сказанное выше можно констатировать, что в пореформенные 1870-е гг. в недрах внешне единой православной историографии Брестской унии происходил переход, если не к надконфессиональному изучению проблемы, то к углублению и объективированию исследования той части унионной проблематики, которая допускалась официальным отношением российских властей и РПЦ к сущности униатства. Этот переход, помимо снижения политизированности и расширения круга используемых источников, заключался в сочетании прагматических, схоластических и полупозитивистских методик, обосновании православной концепции и появлении корректировавших ее сведений и заключений, традиционной тематики иеуитского миссионерства и начальной постановки вопросов о степени самостоятельности униатской церкви и понимании «унии» русинами из разных общественных страт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонович В. Б. Очерк состояния православной церкви в Юго-западной России с половины XVII до конца XVIII столетия // Антонович В. Б. Монографии по истории Западной России. Т. I. К., 1885. С. 351.
2. Воспоминания Е. Е. Голубинского. Кострома, 1923. С. 73.
3. Голубев С. Т. Петр Могила и Исаия Копинский: Вступление Петра Могилы на Киевскую митрополию и его отношение к Исаею Копинскому // Православное обозрение. 1874. С. 57.
4. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1881. С. 968.
5. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Изд. второе, испр. и доп. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2 (209). Кн. 3 (210). М., 1904. С. 926.
6. Дмитриев М. В. Генезис Брестской унии в историографии // Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. М., 2003. С. 319.
7. Дмитриев М. В. Основные проблемы истории Киевской митрополии в 1-й половине XVII в. // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 833.
8. Елисеев А. Б. Православная церковь и упразднение Греко-католической церкви в Западной Украине (русская историография проблемы) // Макариевские чтения: материалы четвертой международной конференции (21–22 ноября 2005 года) / Отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2005. С. 172–176.
9. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 213.
10. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях... Т. 2. М., 1997. С. 764.
11. Коялович М. О. История базилианского ордена // Христианское чтение. 1864. С. 452.
12. Крачковский Ю. Ф. Чтения в Обществе истории и древностей российских [далее — ЧОИДР]. 1871. Кн. 1. С. 715.
13. Кулиш П. А. История воссоединения Руси. Т. 1. СПб., 1874. С. 363.
14. Левицкий О. Внутреннее состояние западно-русской церкви в конце XVI в. и уния. К., 1884. С. 295.
15. Михальченко С. И. Киевская школа в русской историографии (школа западно-русского права). М., Брянск, 1996. С. 186.
16. Нетужилов К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX–начала XX веков: историко-типологический анализ: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. С. 52.
17. Петров Н. И. Очерк истории базилианского ордена в бывшей Польше. Ч. I. // Труды Киевской духовной академии [далее — ТКДА]. 1870. № 5. С. 428–494.
18. Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих Реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х гг.). М., 1999. С. 567.
19. Солнцев Н. И. Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII–XIX веков: дисс. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009. С. 662.
20. Соловьёв И. Профессор П. В. Знаменский как историк Русской Церкви // История Русской Церкви (Профессор Знаменский П. В.). М., 2000. С. 3–9.
21. Сухова Н. Ю. Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 421.

22. Толстой Д. А. Римский католицизм в России. Т. I. СПб., 1876. С. 537
23. Ульяновский В., Панчук О. Микола Петров: портрет у часовій перспективі та різних інтер'єрах // Петров М. Скрижалі пам'яті. К., 2003. С. 336.
24. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 761.
25. Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX-начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 420.
26. Толстой М. В. Рассказы из Истории русской церкви. (Изд. 1-е — 1870). Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991. [Электронный ресурс]: <http://www.magister.msk.ru/library/bible/history/tolstm01.htm> Дата обращения: 04.2010. Доступ свободный.
27. Щеглов Г. Э. Иван Игнатьевич Малышевский. [Электронный ресурс]: http://minds.by/seminary/znam_vipusniki/malishevskiy.html Дата обращения: 04.2010. Доступ свободный.

© Вивчар Василий Михайлович (vvivchar@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омская духовная семинария